

дорогія для всѣхъ воспоминанія о началѣ Казанской Академіи и учебныхъ занятіяхъ студентовъ съ благословенія Архіепископа Владиміра, о первоначальномъ помѣщеніи ея въ стѣнахъ Спасскаго монастыря; помѣщеніе это было небольшое, бѣдное. „Когда я былъ викарнымъ Епископомъ и жилъ въ Спасскомъ монастырѣ,—добавилъ Владыка,—то комнаты эти занимали у меня пѣвчіе и все жаловались, что они темны и плохи“... Вспоминалъ о. Протоіерей и о профессорахъ своего времени.

Послѣ взаимныхъ воспоминаній и разказовъ Преосвященнѣйшій Никаноръ обратился къ собранію бывшихъ воспитанниковъ Казанской Академіи съ слѣдующей рѣчью:

„Любезные однокашники!

Говорится, что малъ квасъ все смѣшеніе квасить. Хотя академическая каша наша была и безквасна, однако думаю, что и она, въ совокупности со всѣми ингредиентами, входившими въ составъ всей академической жизни, не оставалась безъ своего вліянія. А посему да позволено будетъ мнѣ сказать вамъ объ однокашникахъ нашихъ старѣйшихъ, первокурсникахъ, чтобы по начаткамъ плодовъ этого разсадника отчасти и особенно сравнительно можно было судить объ академическихъ типахъ вообще и по курсамъ ихъ въ отдѣльности ¹⁾.

Явившись въ Казанскую Академію въ 1870 году, я прожилъ въ Казани 23 года, наблюдая съ самыхъ разныхъ точекъ зрѣнія самыхъ славнѣйшихъ первокурсниковъ ея: достопочтеннаго о. Протоіерея Александра Поликарповича Владимірскаго, который съ 10 Октября 1871 года былъ моимъ Ректоромъ, а потомъ, когда я былъ Ректоромъ Семинаріи (съ 1879 г.) и Викарнымъ Епископомъ (съ 1891 по 1893 годъ), многоразличнымъ сослуживцемъ по Братству Св. Гурія и другимъ Епархіальнымъ дѣламъ и многократнымъ сослужителемъ у престола Божія. Всегда тихій и скромный, онъ однако не тщетно занялъ первое мѣсто въ своемъ курсѣ и былъ первомѣстникомъ въ жизни, занимая 25 лѣтъ каѳедру

¹⁾ Рѣчь эта приводится здѣсь съ нѣкоторыми сокращеніями, которыя еще ждутъ своей исторіи.

Богословія въ Казан. Импер. Университетѣ, 24 года ректорствуя, причѣмъ онъ получилъ три звѣзды, включая звѣзду Александра Невскаго, ждущую брилліантовъ... Да здравствуетъ онъ и еще многія, многія лѣта, на славу родной Академіи, какъ первородный сынъ ея, а вмѣстѣ праотецъ и патріархъ.

Другой брилліантъ академической короны—Николай Ивановичъ Ильминскій былъ сначала мой достопочтенный знакомый, потомъ съ 1874 года сослуживецъ по Казанской Иностранческой Учительской Семинаріи до 1879 года, потомъ сослуживецъ по Братству, котораго я былъ Предсѣдателемъ, а онъ душой его и Предсѣдателемъ Переводческой Коммисіи.

Еще болѣе скромный, но еще болѣе талантливый, Николай Ивановичъ долго не могъ завоевать къ себѣ и своему дѣлу того вниманія, которое онъ приобрѣлъ во всей Россіи въ послѣдніе дни жизни... Давно испытывая жизненныя неудачи, онъ все старался прикрыть (посуворовски) разными юмористическими разсказами, отъ которыхъ глупые смѣялись, а умные не могли оторваться, просиживая съ нимъ дни и ночи. Такъ онъ безконечно былъ интересенъ и богатъ всѣми знаніями, особенно же лингвистическими, по преимуществу оріентальными.

Когда настали дни его славы, со времени Августѣйшаго вниманія къ его татарской (крещенской) школѣ грамоты, тогда онъ былъ засыпанъ всякими учеными предложеніями и отличіями... Когда онъ получилъ первую звѣзду, мимо Казани проѣзжалъ Министръ Графъ Толстой. Рано утромъ разбудилъ меня Николай Ивановичъ и, смиренно пожимаясь, спрашиваетъ: „не знаете ли какъ надѣвается генеральская лента“?—“Нѣтъ“, отвѣтилъ я. Тогда онъ отправился въ парикмахерскую, но и тамъ ему не помогли. И вотъ, онъ явился на пароходъ. И встрѣтивъ Министра, сѣлъ (по его разсказу) въ самомъ дальнемъ уголкѣ каюты—компаніи, чтобы Министръ не видѣлъ его. Но Министръ замѣтилъ его и тамъ и говорилъ съ нимъ болѣе, чѣмъ со всѣми другими, встрѣчавшими и провожавшими Министра.—Потомъ онъ получилъ и другую звѣзду, но, кажется, никто ихъ не видѣлъ,

ибо онъ не недѣвалъ ихъ и завѣщаль, чтобы ихъ не показывали и на похоронахъ его, что, конечно, и было исполнено.

Какъ относился къ нему Г. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, К. П. Побѣдоносцевъ, это, я думаю, извѣстно всѣмъ, читавшимъ письма Николая Ивановича къ К. П. Побѣдоносцеву... Книги и изданія Николая Ивановича получили такое распространеніе, что, если-бы онъ получалъ по 10 коп. съ рубля, то онъ былъ-бы несомнѣнно милліонеромъ. Но онъ обычно не имѣлъ болѣе 20 коп. въ день, которые онъ получалъ на извощика (отъ супруги). А умеръ онъ, не оставивъ даже и сотни рублей, ибо это было въ послѣднихъ числахъ Декабря 1891 года, когда обычно выдается жалованье уменьшенное (безъ столовыхъ).

Послѣдніе годы, въ котѣрые Николай Ивановичъ очень страдалъ болями желудка, измѣнили его. Не стало въ немъ прежняго юмора и вообще веселости духа. Онъ становился самоуглубленнымъ. И прежде усердный молитвенникъ, онъ теперь сталъ еще болѣе примѣрнымъ предстоятелемъ въ молитвѣ какъ ежедневной, такъ и въ особенности праздничной. Можно даже сказать, что послѣдніе дни его жизни были святые, а умеръ онъ праведнически.

Мнѣ, какъ Викарному Епископу, за болѣзнію Архіепископа Павла (+22 апр. 1892 г.), пришлось хоронить его и я не могъ помянуть его никакемъ словомъ, ибо онъ запретилъ это и просилъ отнести его на кладбище на сельскихъ носилкахъ, что и было исполнено. Посмертное слово о немъ было сказано самымъ великимъ человѣкомъ нашего времени, а именно Государемъ Императоромъ Александромъ III, въ своемъ письмѣ къ К. П. Побѣдоносцеву.

Третьимъ изъ числа знаемыхъ мною первокурсниковъ Казанской Академіи былъ Иванъ Петровичъ Гвоздевъ, профессоръ Гражданской Исторіи въ Казанской Академіи и въ началѣ моего студенчества — Инспекторъ Академіи. Обыкновенно Инспекторъ — гроза. Но онъ былъ такъ смиренъ, что, кажется, самъ боялся студентовъ, хотя они въ то время были исправны и благопокорливы. Завидя студентовъ онъ старался удалиться съ глазъ ихъ. Кажется, его несчастное семейное положеніе убило такъ, что онъ боялся всѣхъ и всего. И также

мирно почилъ онъ, какъ и жилъ, почти никѣмъ невидимый, хотя и чтимый всѣми и любимый. Какъ древній стойкъ, онъ переносилъ свои скорби, покрывая ихъ не гордою твердостью, но безграничною покорностію волѣ Божіей и начальству.

Четвертаго первокурсника Казанской Академіи я узналъ въ Екатеринбургѣ, въ лицѣ достопочтеннѣйшаго о. Протоіерея Алексія Мартиніановича Кроткова, за котораго достаточно говоритъ одна уже его фамилія.

Полагаю, что всѣ дубы дубравы Мамвре были болѣе или менѣе не очень разнообразны. Не велики у нихъ листья, но крѣпокъ стволъ, почему, думаю, что каждый изъ нихъ могъ бы быть также великъ, какъ могучъ оставшійся на мѣстѣ своемъ патріархъ дубравы.

Многая лѣта достопочтеннѣйшему о. Протоіерею Алексію Мартиніановичу, празднующему 60-ю годовщину своего студенчества“!

Когда закончилось пѣніе и поздравленіе студента перваго курса Академіи, къ собранію сыновъ славной Академіи, съ Архипастырскаго благословенія, обратился Инспекторъ классовъ Епархіальнаго Училища, магистръ XXXVIII курса, священникъ Петръ Сысуевъ съ слѣдующей рѣчью:

„Ваше Преосвященство,

Преосвященнѣйшій Владыко,

Отцы и Братіе—Казанцы!

По просвѣщенной иниціативѣ нашего Архипастыря такъ торжественно воспоминаемъ мы нынѣшній годъ этотъ славный день дорогой всѣмъ намъ Казанской Академіи.

Наша академическая семья, собравшись сейчасъ у старѣйшаго представителя Академіи, студента 1-го ея курса, составляетъ изъ себя дивную цѣпь, связующую почти всю 60-лѣтнюю исторію нашей *Almae Matris*,—ее начало и первые шаги на пути развитія и съ событіями послѣднихъ дней. Въ своей средѣ мы имѣемъ одного изъ послѣднихъ ея могикановъ, маститаго старца, магистра перваго курса! Счастливая доля, которую съ нами раздѣляютъ теперь одни только собратья-казанцы ¹⁾.

¹⁾ Разумѣю Глубокочтимаго о. Протоіерея Александра Поликарповича Владимірскаго, нынѣ члена Духовно-Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, проживающаго въ Казани.